

ИЗ ИСТОРИИ ФРАНКО-ГЕРМАНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ в 1936—1937 годах

И. Д. Остоя-Овсяный¹

Внешнеполитический курс, проводившийся западными державами и, в частности Францией, в канун второй мировой войны и вошедший в историю под названием мюнхенской политики, получил уже, как известно, освещение в советской исторической науке; полностью выявлены подлинные цели, преследовавшиеся правящими кругами западных стран при проведении этой политики, и та преступная роль, которую она сыграла в подготовке и развязывании второй мировой войны.

Следует, однако, отметить, что отдельным работам советских историков, посвященным международным отношениям рассматриваемого периода, присуща известная односторонность в освещении политики Франции. Правильно раскрывая подлинные антинародные цели французских правящих кругов и показывая зависимость Франции от Англии, связанную с особенностями ее стратегического и экономического положения в тот период, ряд авторов в то же время недостаточно показывает активную и самостоятельную роль французского правительства в осуществлении попытки сговора с германским фашизмом и не раскрывает в полной мере ответственности французских правящих кругов за пагубные последствия этой политики как для Франции, так и для других народов¹.

Значительный интерес в связи с этим представляет изучение тайной деятельности французской дипломатии в рассматриваемый период и, в частности, секретных франко-германских переговоров, имевших место в 1936—1937 годах.

Исследование данного вопроса представляет определенные трудности. До настоящего времени отсутствует сколько-нибудь полная публикация французских дипломатических документов². Очень бедно представлены документы, относящиеся к внешней политике, и в материалах парламентской комиссии по расследованию событий 1933—1945 гг.³, в которых оставлены в тени именно закулисные попытки французских правящих кругов осуществить сговор с фашистской Германией. Мало света проливают на этот вопрос и отчеты о процессах коллаборационистов Фландена и Лавала⁴. Леон Блюм, с именем которого прежде всего связаны секретные франко-германские переговоры рассматриваемого периода, в опублико-

¹ См., например, «История дипломатии». Т. III. М.-Л. 1945, стр. 608, 622; М. Гус. Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики. М. 1951, стр. 60; В. А. Матвеев. Провал мюнхенской политики (1938—1939). М. 1955, стр. 75—76, 82.

² Так называемая «Желтая книга», опубликованная французским правительством в 1939 г., относится только к периоду 1938—1939 гг. и представляет собой односторонне составленную подборку документов, тенденциозно освещающую франко-германские отношения накануне войны. См. «Ministère des Affaires Etrangères. Documents diplomatiques 1938—1939» (Le livre jaune français). Paris. 1939.

³ См. «Les Evénements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et documents recueillis par la Commission d'enquête parlementaire». Т. I—IX. Paris. 1947—1951.

⁴ См. «Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice». Paris. 1947; «Le Procès Laval». Compte rendu stenographique. Paris. 1946.

ванной им книге совершенно замалчивает эту сторону своей деятельности⁵. Активный сторонник франко-германского сближения, доверенное лицо «Комите де форж», Фланден в своих мемуарах ограничивается лишь несколькими общими замечаниями, относящимися к его поездке в Берлин в декабре 1937 года⁶. Много интересных фактов мог бы сообщить Франсуа-Понсе, бывший французский посол в Берлине, организатор ряда секретных встреч и бесед французских ответственных политических деятелей с представителями фашистской Германии, лично принимавший участие в переговорах. Однако опубликованные им воспоминания о пребывании в качестве посла в Берлине ставят перед собой цель оправдать французскую внешнюю политику. Он ограничивается лишь поверхностными литературными зарисовками отдельных событий, имевших место в рассматриваемый период, полностью обходя вопрос о попытке сговора французских правящих кругов с гитлеровцами⁷.

Появившиеся во Франции после второй мировой войны многочисленные мемуары других политических деятелей, причастных к проведению мюнхенской политики, представляют собой, как правило, попытки собственной реабилитации и либо совсем обходят вопрос о франко-германских переговорах 1936—1937 гг., либо освещают его крайне тенденциозно, отражая общую установку авторов.

В связи с отсутствием достаточных французских источников основное значение при анализе данного вопроса приобретают германские архивные документы, в частности материалы, опубликованные МИД СССР⁸. Значительный фактический материал, относящийся непосредственно к исследуемому вопросу, имеется в опубликованных западными державами документах секретного архива германского МИД, несмотря на односторонний и тенденциозный их отбор⁹.

Ценные сведения содержатся также в показаниях на Нюрнбергском процессе¹⁰ и в опубликованных мемуарах гитлеровских эмиссаров Шахта¹¹ и Папена¹², выезжавших в Париж для секретных переговоров с французскими представителями. Пытаясь отмежеваться от участия в осуществлении гитлеровских агрессивных замыслов и всячески подчеркивая свои «расхождения» с Гитлером, Шахт и Папен приводят ряд фактов, свидетельствующих о той поддержке, которую встречала их деятельность во французских правящих кругах.

Среди прочих источников следует отметить книжку американского историка Тэнзила. В этой работе, посвященной критике рузвельтовского курса с антисоветских, реакционных позиций, автор использует материалы архива государственного департамента США. Он приводит некоторые выдержки из переписки американского посла в Париже Буллита с Белым домом, проливающие дополнительный свет на соглашательскую политику французских правящих кругов в отношении фашистской Германии и показывающие ту поддержку, которую эта политика получала со стороны США¹³.

⁵ См. L. Blum. *A l'échelle humaine*. Lausanne, 1945.

⁶ См. P. E. Flandin. *Politique française 1919—1940*. Paris, 1947.

⁷ См. A. François-Poncet. *Souvenirs d'une ambassade à Berlin*. Sept. 1931 — Oct. 1938. Paris, 1946.

⁸ См. «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 1—2. Госполитиздат, 1948.

⁹ См. «Documents on German Foreign Policy 1918—1945». From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937—1945). Vol. I. From Neurath to Ribbentrop (September 1937 — September 1938). Washington, 1949. (В дальнейшем — Doc. GFP).

¹⁰ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. XII, XVI. Nurnberg, 1947. (В дальнейшем — IMT).

¹¹ H. Schacht. *76 Jahre meines Lebens*. Bad Wärishofen, 1953.

¹² F. von Papen. *Memoirs*. London, 1952.

¹³ См. Ch. Tansill. *Back door to War. The Roosevelt Foreign Policy 1933—1941*. Chicago, 1952.

Основным фактором, определявшим внутривнутриполитическое положение во Франции в рассматриваемый период, являлась победа партий, входивших в Народный фронт, на выборах в апреле — мае 1936 года¹⁴.

Народный фронт пришел к победе, выдвинув программу, которая предусматривала в области внутренней политики мероприятия, направленные на укрепление демократических свобод, разоружение и роспуск фашистских организаций, оздоровление финансов, улучшение материального положения трудящихся. В области внешней политики программа Народного фронта предусматривала борьбу за сохранение мира и, в частности, создание системы коллективной безопасности, применение санкций в случае агрессии, распространение, особенно в Восточной и Центральной Европе, системы пактов, открытых для всех, согласно принципам франко-советского договора¹⁵.

Эта программа, отвечавшая национальным интересам Франции, получила широкую поддержку трудящихся масс, справедливо видевших в ней путь к оздоровлению экономики страны и обеспечению ее безопасности. Поддержка масс давала возможность новому правительству во главе с Блюмом повести решительную борьбу с реакцией. Однако, возглавив правительство, французские правосоциалистические лидеры в соответствии с выдвинутой ими реакционной теорией «исполнения власти в рамках капиталистического общества», на словах заявляя о верности программе Народного фронта, фактически стали на путь саботажа этой программы. Ставя себе в заслугу якобы «спасение Франции от гражданской войны», правосоциалистическое руководство на самом деле спасало интересы французской буржуазии и предавало Народный фронт.

Под влиянием мощной волны стачек¹⁶ правительство Блюма в первый период своей деятельности было вынуждено провести ряд мероприятий, соответствовавших программе Народного фронта. Однако наиболее важные пункты, серьезно затрагивавшие интересы «200 семейств» (в частности реформа налоговой системы), осуществлены не были. Правительство не пресекало также саботаж предпринимателей, организовавших «бегство капиталов». В феврале 1937 г. Блюм заявил о необходимости «паузы» в осуществлении программы Народного фронта.

В области внешней политики правительство Блюма все более явно отходило от программы Народного фронта и, выполняя волю французской буржуазии, продолжало осуществлять политику попустительства фашистской агрессии. В частности, в связи с фашистским мятежом и началом германо-итальянской интервенции в Испании летом 1936 г. правительство Блюма провозгласило политику «невмешательства», под прикрытием которой Англия и Франция фактически поощряли фашистскую агрессию. «Зловещая инициатива правительства Французской республики в Испании, — отмечал Морис Торез, — является типичным примером капитуляции перед фашизмом»¹⁷.

Провокационные уступки, предоставлявшиеся агрессорам за счет других народов и интересов безопасности самой Франции, сопровождались попытками достигнуть соответствующей договоренности с фашистскими державами, и прежде всего с Германией. Франко-германские отношения в рассматриваемый период развивались под знаком растущих импе-

¹⁴ Из 618 мест в палате депутатов партии Народного фронта получили 381 место, в том числе коммунисты — 73 места. См. П. Гельбрагс. Внешняя и внутренняя политика Франции. М. 1939, стр. 9.

¹⁵ Текст программы см. М. Торез. Современная Франция и Народный фронт. М. 1937, стр. 111—115.

¹⁶ В 1936 г. во Франции бастовало около 2,5 млн. рабочих. См. Ю. Кучинский. История условий труда во Франции. М. 1950, стр. 262.

¹⁷ «L'Humanité», 2 ноября 1936 года.

риалистических противоречий. На фоне глубокого застоя и упадка, переживаемого французской экономикой в период между двумя войнами, особенно резко выступал быстрый подъем военно-промышленного потенциала фашистской Германии, которая, используя антисоветские устремления правящих кругов западных держав и американские миллиарды, снова стала опасным конкурентом.

Перед второй мировой войной Германия по уровню промышленного производства превзошла Англию и Францию, вместе взятые¹⁸. Соответственно изменились и доли Франции и Германии в общей промышленной продукции капиталистического мира; доля Франции к 1937 г. по сравнению с 1929 г. сократилась с 6,9% до 5,5%, в то время как доля Германии увеличилась с 12,1% до 13,1%¹⁹. Проводя политику форсированного экспорта, субсидируемого протекторатом, Германия успешно конкурировала с Францией и другими империалистическими державами, увеличила свой вывоз промышленных изделий на 8%, в то время как экспорт промышленных изделий из Франции сократился на 52%²⁰. Односторонний отказ Германии от военных статей Версальского договора и быстрый рост ее вооружений, ремилитаризация Рейнской зоны, проникновение германского капитала в страны Восточной Европы, способствовавшее распаду Малой Антанты, образование «оси Берлин — Рим» и германо-итальянская интервенция в Испании — все эти факторы в сильнейшей степени подрывали международные позиции Франции и создавали серьезную угрозу ее безопасности.

Среди французских правящих кругов не было единства в вопросе об отношении к Германии. Часть французской буржуазии, наиболее остро чувствовавшая германскую конкуренцию и, несмотря на свои антинародные убеждения и опасения за классовые привилегии, сумевшая более или менее правильно оценить ту угрозу, которую представляла фашистская Германия ее собственным интересам, выступала за укрепление международных позиций Франции и усиление ее обороноспособности на случай войны с Германией. Наиболее дальновидные политические деятели, представлявшие это крыло французской буржуазии, выступали за сотрудничество с Советским Союзом в деле обуздания фашистской агрессии.

Однако наиболее влиятельная часть крупной французской буржуазии главную опасность для своих интересов усматривала в демократическом движении в стране. Весьма характерное признание в этом отношении сделал Блюм, который отмечал, что классовые интересы французской буржуазии задушили в ней чувство патриотизма и что «нацизм казался ей меньшей опасностью для ее привилегий и богатств, чем коммунизм, может быть, даже она вынашивала тайную надежду, что гитлеровский кулак надолго отбросит назад рабочих мятежников. Ее эгоизм имущего класса толкал ее искать всеми путями сближения любой ценой с Гитлером»²¹. Разумеется, Блюм умалчивал о том, что руководство французской социалистической партии фактически помогало монополиям Франции в осуществлении их реакционной внутренней и внешней политики. Пытаясь изобразить себя противниками сговора с гитлеровцами, заявления, аналогичные заявлению Блюма, сделали также Рейно, Гамелен и ряд других авторов²².

¹⁸ Характерны, например, данные о максимальном годовом производстве стали в названных странах в 1936—1938 гг.: Англия—13,2 млн. т, Франция—7,9 млн. т, Германия—25 млн. т. Аналогичными были показатели по чугуну. См. журнал «Economist», September 2, 1939, p. 435.

¹⁹ См. Я. Б. Турчинс. Обострение неравномерности развития капитализма в итоге второй мировой войны. М. 1953, стр. 46.

²⁰ См. там же, стр. 59.

²¹ L. Blum. Указ. соч., стр. 96.

²² См. P. Reynaud. La France a sauvé l'Europe. Vol. I. Paris. 1947, p. 94. M. Gamelin. Servir. Le prologue du drame (1930—août 1939). Paris. 1946, p. 219.

Однако противоречия между этими двумя группировками французской буржуазии в рассматриваемый период по вопросу переговоров с фашистской Германией существенного значения не имели, и поэтому автор считает возможным подробно на их анализе не останавливаться.

Французская коммунистическая партия требовала, чтобы в соответствии с программой Народного фронта французское правительство взяло на себя инициативу в проведении политики, направленной к укреплению всеобщего мира²³. В своих выступлениях руководящие деятели КПФ указывали, что «политикой «невмешательства» нанесен страшный удар всем силам демократии, удар делу республиканской Испании, делу безопасности, делу мира»²⁴; несмотря на то, что попытки сговора с Германией скрывались французскими правящими кругами от народных масс, Коммунистическая партия правильно раскрывала замыслы реакции и требовала прекращения уступок, прекращения капитуляции перед германским фашизмом²⁵.

На IX конгрессе в Арле, состоявшемся в декабре 1937 г., Коммунистическая партия с новой силой поставила задачу борьбы против фашистской агрессии. В своем докладе на конгрессе Морис Торез потребовал прекратить закулисную дипломатию сговора с германским фашизмом и призвал широкие народные массы к борьбе за мир. При этом Торез подчеркнул необходимость укрепления связей с Советским Союзом. «Народный фронт, — говорил Торез, — в соответствии с волей народа должен продемонстрировать свою преданность франко-советскому договору, наиболее надежной гарантии мира для нашей страны и для Европы»²⁶.

События последующих лет показали, насколько правильным и своевременным был призыв КПФ, предупреждавший о смертельной опасности, которая нависала над Францией.

Пристальное внимание Коммунистической партии Франции и широких патриотических слоев населения к проблемам внешней политики страны заставляло французских мюнхенцев, находившихся в правительстве, маскировать свои цели и изыскивать тайные пути для подготовки сговора с фашистской Германией.

В 1936 г. усилия французской реакции в этом направлении были связаны с визитом в Париж гитлеровского эмиссара Шахта²⁷.

Визит Шахта был предпринят по инициативе гитлеровцев и связан прежде всего с колониальными притязаниями фашистской Германии. Играя на антисоветских настроениях правящих кругов западных держав и получая при помощи этой тактики все новые и новые уступки, гитлеровцы рассчитывали в тот период добиться определенных уступок и в колониальном вопросе. Эта точка зрения нашла выражение, в частности, в письме германского посла в Париже Вельчека министру иностранных дел Германии Нейрату, датированном 26 декабря 1936 года. В этом письме Вельчек высказал мнение, что если Германия приспособит свой образ действий к «европейским правилам игры», то она сможет быстро добиться удовлетворения многих пожеланий, «в том числе и в колониальном вопросе»²⁸. Стремясь ввести в заблуждение общественное мнение, гитлеровцы лживо заявляли об отсутствии у них каких-либо территориальных претензий к западным державам в Европе.

Германские колониальные притязания угрожали главным образом интересам британского империализма, поскольку именно Англия захвати-

²³ См. М. Thorez. Oeuvres. Livre 3. T. XIII, p. 67; t. XIV, p. 77.

²⁴ М. Торез, Ж. Дюкло, М. Життон. За Францию Народного фронта. М. 1938, стр. 31.

²⁵ См. М. Thorez. Oeuvres. Livre 3. T. XIV, p. 137, 145—146, 148, 256, 312.

²⁶ См. «La mission de la France dans le monde». Rapport de M. Thorez, «L'Humanité», 27 декабря 1937 г., стр. 7—8.

²⁷ Шахт прибыл в Париж 25 августа 1936 года. См. «L'Humanité», 26 августа 1936 года.

²⁸ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 2, стр. 257—258.

ла большую часть бывших германских колоний. Не вдаваясь в подробное рассмотрение англо-германских противоречий по колониальному вопросу²⁹, которые к этому времени выдвинулись на первый план в англо-германских отношениях, следует отметить, что гитлеровцы знали о существовании в Англии весьма влиятельной группировки, считавшей возможным ради достижения договоренности с Германией на антисоветской основе пойти на частичное удовлетворение ее колониальных притязаний. Эти настроения были не чужды и самому премьеру Болдуину. В связи с этим одной из целей визита Шахта в Париж было использовать Блюма, имевшего возможность в качестве главы правительства установить непосредственный контакт с английским премьером для передачи последнему германских предложений³⁰. Встреча Шахта с Блюмом представляет значительный интерес и для оценки позиции французского правительства в рассматриваемый период.

Занимая в то время пост имперского министра экономики и одновременно министра финансов и председателя Германского имперского банка, Шахт был известен как доверенное лицо крупных германских промышленных магнатов и как ревностный сторонник возвращения бывших германских колоний³¹. Как отмечает Шахт в своих мемуарах, поездка была принята по его инициативе³².

Формально посещение Шахтом Парижа являлось ответным его визитом директору Французского банка Лабейри и было связано с переговорами по экономическим вопросам. Однако в действительности через французского посла в Берлине Франсуа-Понсе, а также по другим каналам в Париже были поставлены в известность, что подлинной целью визита Шахта являлась встреча с Блюмом.

Визиту Шахта предшествовал довольно откровенный дипломатический зондаж. При посещении французского посла в Берлине накануне поездки в Париж Шахт заявил, что он был «обеспокоен» устремлениями Гитлера в отношении Чехословакии, и высказал предположение, что «отвлечь» Гитлера от этих планов и избежать войны можно было бы, дав возможность Германии принять участие в эксплуатации колоний, в частности в Африке. Выразив желание поделиться этими соображениями с французским премьером, Шахт просил Франсуа-Понсе устроить ему встречу с Блюмом³³. Франсуа-Понсе сообщил Шахту, что Блюм готов его принять и обеспечить секретный характер встречи³⁴.

В Париже Шахт, помимо Блюма, имел беседы с Ориолом, в то время министром финансов, Дельбосом — министром иностранных дел, Бастидом — министром торговли, Спинассом — министром народного хозяйства и рядом других лиц. Шахт писал в своих мемуарах, что эти встречи оставили у него «самые приятные впечатления», и отметил, что он не обнаружил того «отрицательного отношения, которого опасался Гитлер», но, наоборот, встретил «далеко идущее понимание»³⁵.

«Понимание», с которым был встречен визит Шахта в Париже, отмечает в своих мемуарах также и Ж. Бонне³⁶.

Пышный прием, устроенный посланцу фашистской Германии, вызвал возмущение французской прогрессивной общественности. Генеральный секретарь Французской коммунистической партии М. Торез в открытом пись-

²⁹ По этому вопросу см. А. М. Некрич *Политика английского империализма в Европе*. М. 1955, его же *Англо-германские противоречия по колониальному вопросу перед второй мировой войной*. «Вопросы истории». 1954. № 7, стр. 77—94.

³⁰ См. «Les Evénements...». Т. I. pp. 221—222.

³¹ См. H. Schacht. Указ. соч., стр. 476, 477.

³² Там же, стр. 477.

³³ A. François-Poncet. Указ. соч., стр. 282.

³⁴ H. Schacht. Указ. соч., стр. 477; «Les Evénements...». Т. I, p. 221.

³⁵ H. Schacht. Указ. соч., стр. 478; IMT. Vol. XII, p. 431.

³⁶ G. Bonnet. *De Washington à Quai d'Orsay*. Genève. 1946, p. 48.

ме, адресованном Л. Блюму, обратил внимание последнего, что в условиях, когда Германия проводит гонку вооружений, угрожающую миру и безопасности Франции, чрезвычайные почести, оказываемые председателю Рейхсбанка, «несовместимы с достоинством французского народа». При этом Торез указал также на разительный контраст в позиции французских министров, отказывавшихся принять участие в выступлениях народа в поддержку республиканской Испании³⁷.

Газета «Юманите», раскрывая замыслы гитлеровцев, в передовой статье, посвященной визиту Шахта, писала: «Будем, наконец, говорить прямо. Поездка Шахта, которой предшествовала широкая антибольшевистская кампания нацистской печати, имела цель столь же определенную, как и подозрительную: отдалить Францию от СССР, ослабить связи, которые были установлены франко-советским договором между Францией и Советским Союзом в самых насущных интересах мира»³⁸.

Выступая в начале сентября на собрании рабочих завода Рено, М. Торез указал, что Шахт прибыл для того, чтобы «организовать международный крестовый поход против коммунизма»³⁹. Заявив решительный протест против политики французского правительства, поощрявшей дальнейшее вооружение Германии, Торез призвал французский народ к борьбе за создание единого международного фронта борьбы против фашизма и войны⁴⁰.

Подлинные цели визита Шахта и содержание его бесед с Блюмом и другими французскими политическими деятелями стали достоянием гласности только в послевоенный период. Блюм в своих показаниях парламентской комиссии и Шахт в опубликованных им мемуарах, сообщая об этих переговорах, правда, лишь в общих чертах, признают, что целью их являлась попытка подготовить соглашение между Францией и Англией, с одной стороны, и Германией, с другой, на основе частичного удовлетворения колониальных притязаний фашистских правителей⁴¹. Предложения Шахта носили официальный характер. Сообщая их Блюму, Шахт отметил, что они полностью одобрены Гитлером⁴².

Из анализа дальнейших действий гитлеровской дипломатии видно, что предложения Шахта были лишь тактическим маневром, использованным для того, чтобы выяснить возможность получения уступок от западных держав в вопросе о колониях.

По версии Блюма, он уклонился от определения своей точки зрения и сослался на необходимость проконсультироваться с английским правительством⁴³. Шахт в своих показаниях на Нюрнбергском процессе сообщил, что французское правительство положительно отнеслось к его предложениям и выразило готовность заняться решением этого вопроса, имея в виду возможное возвращение Германии одной или двух ее бывших колоний⁴⁴. Еще более конкретно Шахт пишет в мемуарах: «Леон Блюм заявил, что он готов, не касаясь вопроса о суверенитете, изучить возможность передачи Германии для экономического развития подмандатную территорию Камеруна»⁴⁵.

По договоренности с Шахтом, Блюм сообщил содержание беседы Иде-

³⁷ М. Thorez. Oeuvres. Livre 3. T. XII, p. 172.

³⁸ «L'Humanité», 28 августа 1936 г., стр. 1.

³⁹ М. Thorez. Oeuvres. Livre 3. T. XII, p. 188.

⁴⁰ Там же, стр. 188, 192.

⁴¹ См. «Les Événements...». Т. I, p. 221—222; Н. Schacht. Указ. соч., стр. 477.

⁴² См. «Les Événements...». Т. I, p. 221. В своих мемуарах Шахт указывает, что он имел соответствующий письменный документ. См. Н. Schacht. Указ. соч., стр. 477.

⁴³ «Les Événements...». Т. I, p. 221.

⁴⁴ IMT. Vol. XII, p. 431—432. Это подтверждает и Рейно. См. Р. Reynaud. Указ. соч., стр. 125.

⁴⁵ Н. Schacht. Указ. соч., стр. 478.

ну, находившемуся проездом в Париже. Вскоре он получил отрицательный ответ английского правительства, который был им передан Шахту⁴⁶.

Существо английской позиции в данном вопросе сводилось к тому, что, стремясь достигнуть договоренности с Германией по широкому кругу проблем и в то же время не желая поступиться колониями, английское правительство по тактическим соображениям не отвергало возможности обсуждения колониальных вопросов. Однако оно сочло нецелесообразным вступить в переговоры на основе предложений Шахта.

Французское правительство продолжало изыскивать возможности соглашения с Германией.

В середине декабря состоялся ряд ответственных бесед Бонне с американским послом в Париже Буллитом⁴⁷. Бонне подчеркнул важность «примирения Франции и Германии» и высказал убеждение, что для этого необходимо содействие США. Буллит поспешил заверить его, что любое усилие, направленное на достижение подобного примирения, получит «полное одобрение со стороны Соединенных Штатов»⁴⁸.

В тот же день германский посол в Париже Вельчек также обратился к Буллиту и сообщил, что он имеет поручение обсудить с ним вопрос о достижении «полного взаимопонимания» между Францией и Германией, к которому якобы стремилось германское правительство. При этом он запросил, не может ли Буллит что-либо порекомендовать для достижения этой цели⁴⁹.

Буллит заявил Вельчеку, что французское правительство «горячо желает достигнуть взаимопонимания с Германией», и порекомендовал путь конфиденциальных переговоров⁵⁰. Он заверил Вельчека, что американское правительство «безусловно приветствовало бы такое соглашение», и запросил, какова была бы германская позиция, если бы Дельбос (французский министр иностранных дел) выразил желание вступить в подобные переговоры по всей совокупности вопросов. Германский посол ответил, что его правительство встретило бы это с энтузиазмом⁵¹.

Во второй половине декабря 1936 г. Блюм пригласил к себе Вельчека. В своем сообщении Нейрату последний писал, что целью Блюма было рассеять недовольство в Германии, вызванное безрезультатностью миссии Шахта⁵². Вслед за этим 24 декабря Дельбос сообщил Вельчеку новое французское предложение⁵³. Его целью, по словам Дельбоса, было предоставление Германии сырья, колоний и займов в обмен на гарантии безопасности Франции⁵⁴.

Как видно из донесения Вельчека, в качестве предварительного условия французская сторона выдвигала вопрос об Испании, достижение договоренности по которому создало бы «атмосферу мира и доверия». «Следующей фазой,— писал Вельчек,— будет начало переговоров, которым могли бы предшествовать секретные обсуждения. Нормальному дипломатическому пути здесь отдается предпочтение, так как, по мнению французских правительственных кругов, он имеет то преимущество, что не бросается в глаза и его легче сохранить в тайне»⁵⁵.

Указывая, что Блюм и Дельбос за свое предложение подвергаются резкой критике со стороны «радикальных левых», Вельчек отмечает, что в интересах Германии удержать этих людей у руля, и рекомендует

⁴⁶ «Les Evénements...». Т. I, p. 222.

⁴⁷ См. Ch. Tansill. Указ. соч., стр. 321—322.

⁴⁸ Там же, стр. 321.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же, стр. 321—322.

⁵² «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 2, стр. 265.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Doc. GFP, p. 96. Текст французского предложения в сборнике не опубликован.

⁵⁵ «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 2, стр. 265—266.

не заставляя Францию слишком долго ждать ответа⁵⁶. В приведенном донесении Вельчека содержится весьма выразительная характеристика деятельности французских мюнхенцев. «Я неоднократно сообщал,— пишет Вельчек,— что французы, несмотря на все пощечины, полученные ими за последние годы, и теперь еще готовы начать переговоры с целью прийти к взаимопониманию... Не фюрер протягивает руку, чтобы достичь взаимопонимания, а французы протягивают руку нам; битый обращается к тому, кто его ударил»⁵⁷.

Не получив ответа на свои предложения, французское правительство вскоре предприняло еще одну попытку вступить в непосредственные переговоры с Германией, используя для этого новый приезд Шахта в Париж в конце мая 1937 года⁵⁸. Поездка Шахта была формально связана с открытием германского павильона на Международной выставке в Париже. Прогрессивная французская печать, однако, сразу отметила, что визит Шахта имел более серьезные цели и, в частности, был связан со стремлением гитлеровцев использовать соглашательские настроения французских правящих кругов для получения максимальных уступок со стороны Франции в экономической области⁵⁹.

Предупреждая о смертельной опасности политики сговора с фашистской Германией, осуществлявшейся реакционной буржуазией, Французская коммунистическая партия призывала решительно отвергать все домогательства Германии, пока она не откажется от своего агрессивного курса. «Надо ответить — нет!», — писала «Юманите». «Надо, чтобы посланец Гитлера услышал это из уст министров Франции Народного фронта»⁶⁰.

В период пребывания в Париже Шахт встречался с французскими министрами и ответственными политическими деятелями Шотаном, Бастидом, Скапини, де Бриноном и Блюмом. Официальное коммюнике, опубликованное в итоге переговоров, сообщало, что «основные трудности, препятствовавшие осуществлению экономического соглашения между Францией и Германией, смогли быть успешно преодолены»⁶¹. Однако в действительности дело обстояло далеко не так. В ходе переговоров не удалось разрешить острейшие франко-германские противоречия, о чем свидетельствует, в частности, встреча Шахта с Блюмом. Довольно продолжительная беседа светлась, по существу, к пространному монологу Блюма, в котором он подробно изложил позицию французских правящих кругов, стремившихся к соглашению с фашистской Германией.

Блюм разъяснил, что для Англии и Франции было невозможно начать переговоры с Германией, когда она выдвигала колониальные требования в качестве предварительного условия. Блюм предложил, чтобы сначала был изучен вопрос политического урегулирования, после чего можно было бы перейти к экономическим проблемам⁶².

Характерным моментом для общей оценки позиции Франции является ответ Блюма на поставленный Шахтом вопрос о том, как Франция думает совместить свои обязательства перед Германией с обязательствами, связывающими ее с некоторыми державами. Речь явно шла о франко-советском договоре от 2 мая 1935 года.

Этот ответ полностью выдает антисоветскую подоплеку, лежавшую в основе настойчивого желания французского правительства договориться с фашистской Германией. Блюм не пожелал напомнить, что франко-совет-

⁵⁶ Там же, стр. 267.

⁵⁷ Там же, стр. 261.

⁵⁸ Шахт прибыл в Париж 25 мая. См. «L'Humanité», 26 мая 1937 г., стр. 3.

⁵⁹ См. «L'Humanité», 25 мая 1937 г., стр. 3.

⁶⁰ «L'Humanité», 26 мая 1937 г., стр. 3.

⁶¹ «L'Humanité», 29 мая 1937 г., стр. 3.

⁶² Doc. GFP, p. 137—138.

ский договор открыт для присоединения к нему Германии, если она действительно стремится к укреплению мира в Европе, и высказал мысль о возможности заключения пакта о ненападении⁶³. Договор о ненападении с Германией, как известно, рассматривался правящими кругами Франции в качестве главного условия для направления гитлеровской агрессии на восток.

В заключение Блюм отметил, что он рассматривает свое заявление Шахту как официальное сообщение германскому правительству и что французское правительство, ожидая ответа Германии, готово в любое время начать с ней переговоры⁶⁴.

Из опубликованных документов видно, что германское правительство оставило французские предложения без внимания, считая их слишком неопределенными для того, чтобы они могли служить базой для переговоров⁶⁵.

Вместе с тем необходимо отметить, что гитлеровцы считали существенным препятствием для достижения соглашения с Францией наличие в ней правительства, вынужденного опираться на парламент, в котором большинство принадлежало партиям Народного фронта, и в силу этого ограниченного в тех уступках, на которые оно могло пойти открыто⁶⁶. Нет сомнения, что определенные расчеты в этом плане имелись у гитлеровцев в связи с заговором «кагуляров», раскрытым в конце 1937 г., который ставил своей целью ликвидацию во Франции республиканского строя и установление фашистского режима во главе с Петэном, Кьяппом и Дорио.

Следует отметить характерную особенность политики германо-фашистской дипломатии в отношении Франции: считая французские предложения недостаточными и не приходя к соглашению, гитлеровцы вместе с тем подчеркивали свое желание договориться с Францией и вину за неудачу предпринятых французами попыток сваливали на французское правительство⁶⁷. Эта тактика, рассчитанная на максимальное использование соглашательских настроений французских «умиротворителей», вместе с тем имела целью осложнить внутривнутриполитическую обстановку во Франции и активизировать деятельность правых группировок, открыто стоявших на позиции сговора с Германией.

Вторая половина 1937 г. ознаменовалась в капиталистическом мире наступлением нового экономического кризиса. Дальнейшее обострение империалистических противоречий, усиление борьбы за рынки сбыта и источники сырья между империалистическими державами поставили в порядок дня вопрос о новом переделе мира посредством войны. 5 ноября 1937 г. на совещании фашистской верхушки были сформулированы агрессивные планы германского фашизма, исходившие из неизбежности вооруженного столкновения с Англией и Францией.

Одним из основных факторов, толкавших, по мнению гитлеровцев, Германию на войну, был вопрос о колониях. К этому времени германо-фашистская дипломатия уже убедилась в безрезультатности попыток

⁶³ Там же, стр. 140.

⁶⁴ Там же, стр. 120; см. также стр. 135, 141.

⁶⁵ Там же, стр. 118, 135. Примечание 7.

⁶⁶ См., например, пометки Вейцекера (начальника политического отдела германского министерства иностранных дел) на полях записи беседы Блюм — Шахт от 28 мая 1937 г. (там же, стр. 139). Эта же мысль получила отражение в заявлении Гитлера Галифаксу 19 ноября 1937 г. (см. «Документы и материалы кануна второй мировой войны». Т. 1, стр. 29—32).

⁶⁷ См. Doc. GFP, p. 96, 117—118.

добиться серьезных уступок в этом вопросе со стороны западных держав путем переговоров⁶⁸.

В связи с этим дальнейшая тактика гитлеровской дипломатии сводилась к тому, чтобы, по-прежнему выдвигая колониальные претензии в переговорах с Англией и Францией и продолжая играть на антисоветских настроениях правящих кругов этих стран, добиваться от них уступок в Центральной Европе.

С другой стороны, в США, Англии и Франции, в странах, наиболее тяжело почувствовавших удары нового кризиса, в обстановке обострения внешне- и внутривластных противоречий усиливалась активность реакционных сил, вынашивавших планы сговора с фашистскими аггессорами и провоцирования германо-советского конфликта.

Во Франции с июня 1937 г. у власти находилось правительство Шотана, которое открыто порвало с программой Народного фронта.

Наступление реакции во Франции приняло широкие масштабы. «Бегство капиталов» за границу, организованное финансовой олигархией, губительно сказывалось на экономике страны; курс франка падал, систематическое повышение цен сводило на нет достигнутое ранее повышение зарплаты; саботируя социальное законодательство и ликвидируя завоевания трудящихся, достигнутые в результате победы Народного фронта, предприниматели обостряли обстановку; усилилась активность многочисленных фашистских организаций, в октябре — ноябре был раскрыт заговор «кагуляров», ставивший целью установить во Франции фашистский режим. Большое количество оружия и боеприпасов, обнаруженное у заговорщиков, в основном было доставлено из Германии и Италии⁶⁹.

В области внешней политики французское правительство, порвав с провозглашенной в программе Народного фронта борьбой за обеспечение коллективной безопасности, все дальше шло по пути уступок германскому фашизму и продолжало попытки сговора с гитлеровцами.

Как известно, видное место в истории попыток западных держав договориться с Гитлером занимает поездка одного из ближайших единомышленников Чемберлена, фактически направлявшего внешнеполитический курс английского кабинета, лорда Галифакса, в ноябре 1937 г. в Берлин. Следует, однако, отметить, что до последнего времени в советской исторической литературе оставался в тени другой факт, связанный с подготовкой к встрече Гитлера с Галифаксом, чрезвычайно важный для оценки политики французского правительства.

В связи с предстоявшим визитом Галифакса в Берлин германо-фашистское правительство срочно направило в Париж германского посла в Вене фон Папена. Личность Папена, одного из главных военных преступников второй мировой войны, политического интригана и разведчика крупного масштаба, хорошо известна. На протяжении длительного времени Папен выступал как сторонник франко-германского сближения и располагал во Франции широкими личными связями⁷⁰. Политические устремления Папена видны из довольно откровенных признаний, сделанных в его мемуарах. Развивая идеи «европейской солидарности», Папен во всех своих рассуждениях исходит из мысли об «исторической миссии» Германии как «главной плотины» против коммунизма⁷¹. Под этим же предлогом он подготавливал и захват Германией Австрии, заявляя о необходимости для Франции, Германии и Австрии создать якобы зону безопасности против вторжения большевизма⁷².

⁶⁸ См. там же, стр. 32.

⁶⁹ См. М. Thorez. Oeuvres. Livre 3. T. XIV, p. 263.

⁷⁰ См. F. von Papen. Указ. соч. стр. 2, 9, 113, 127.

⁷¹ См. там же, стр. 127, 360 и др.

⁷² Там же, стр. 362.

Папен прибыл в Париж инкогнито в конце октября ⁷³ и имел встречи с рядом руководящих французских политических деятелей. На допросе Папена в Нюрнберге цели его поездки в Париж не были раскрыты ⁷⁴; гораздо подробнее их можно проанализировать по германским архивным документам. Как видно из записи, составленной самим Папеном, в первую очередь он встретился с Бонне. В центре переговоров был вопрос о франко-германском соглашении ⁷⁵.

В отличие от Шахта Папен выдвинул на первый план новый тезис, до тех пор еще не использовавшийся гитлеровцами в переговорах с Францией. Указав, что во Франции еще не поняли «исторического решения» Гитлера объявить вопрос о франко-германской границе раз и навсегда решенным, Папен заявил, что Франция, получив, таким образом, полную безопасность, должна «отказаться от политики равновесия сил» и не рассматривать расширение германского влияния в Дунайском бассейне как угрозу своим интересам ⁷⁶. Другими словами, обещая мир на западе, Папен потребовал свободы рук для Германии на востоке.

На вопрос Бонне о конечных целях Германии в бассейне Дуная Папен, правда в осторожной форме, сообщил ему о намерении Германии «путем эволюции» установить «тесную общность экономических и интеллектуальных интересов» со странами этого района ⁷⁷. «На мой вопрос, будут ли возражения со стороны Франции против такого развития соглашения от 11 июля 1936 г., — сообщил Папен, — он (Бонне. — *И. О.*) определенно ответил отрицательно» ⁷⁸.

Что касается Чехословакии, то Папен поставил вопрос о предоставлении широкой автономии национальным меньшинствам. «Против этого Бонне тоже не выдвинул возражений» ⁷⁹. Совершенно очевидно, что, требуя автономии национальных меньшинств в Чехословакии, гитлеровцы стремились оказать содействие прежде всего профашистским элементам в Судетской области.

Затем был подробно обсужден вопрос о сотрудничестве в экономической области.

В конце беседы Бонне предложил Папену встретиться с премьером Шотаном. Папен отказался, сославшись на то, что он не уполномочен вести политические переговоры.

Тогда Шотан позвонил Папену и лично уговорил его встретиться с ним на частной квартире, гарантируя полную секретность. Получив согласие германского посла в Париже Вельчека, Папен направился к Шотану ⁸⁰.

Беседа продолжалась более двух часов и охватила все стороны франко-германских отношений. Как отмечает Папен в своих мемуарах, французский премьер «был полностью подготовлен для обсуждения нового подхода к проблемам Центральной Европы» ⁸¹. В начале беседы Шотан подчеркнул «стабилизацию» положения во Франции. Революция, заявил он, «наконец изгнана с улиц», на полицию и армию можно положиться,

⁷³ Точной даты поездки Папена в Париж в опубликованных документах не содержится; в показаниях на Нюрнбергском процессе Папен сообщил, что поездка состоялась в октябре 1937 г. (см. *IMT. Vol. XVI, p. 313*); из отчета Папена о поездке, представленного Нейрату, можно установить, что она состоялась до 8 ноября 1937 г. (см. *Doc. GFP, p. 41*).

⁷⁴ *IMT. Vol. XVI, p. 313*.

⁷⁵ См. *Doc. GFP, p. 42*.

⁷⁶ Там же, стр. 42—43.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же, стр. 43.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. Из другого документа, относящегося к данному вопросу, видно, что свою миссию в Париже Папен осуществил в близком контакте с Вельчеком. См. там же, стр. 73.

⁸¹ *F. von Papen. Указ. соч., стр. 402*.

в случае необходимости «армия будет стрелять»⁸². Дав понять, таким образом, что французское правительство, хотя формально и является правительством Народного фронта, но заслуживает полного доверия гитлеровцев, Шотан выразил настойчивое желание урегулировать отношения с Германией. Перейдя к обзору международной обстановки, Шотан также показал себя вполне подходящим партнером для сговора с гитлеровцами. Разрешение испанской проблемы он связывал с окончательным утверждением Франко; гораздо больше его беспокоил Дальний Восток, так как он опасался, что в связи с агрессией Японии Китай, «последний из остающихся открытых рынков мира... будет, по-видимому, закрыт даже для Германии и Италии». Дальнейшие высказывания французского премьера свидетельствовали о его стремлении достигнуть договоренности с фашистской Германией именно на основе совместной борьбы против международного освободительного движения⁸³.

Папен был удивлен, что, подобно Бонне, премьер считал вопрос о переориентации французской политики в Центральной Европе «полностью открытым для обсуждения». «Во всяком случае, — пишет Папен, — он также не имел возражений против заметного усиления германского влияния в Австрии»⁸⁴.

После выявления такого единства взглядов не удивительно, что в конце беседы Шотан обнял и расцеловал гитлеровского эмиссара⁸⁵.

Помимо Бонне и Шотана, Папен встречался со многими французскими политическими деятелями правого направления: с бывшими министрами Пиетри, Шампетье де Рибом, Рейно, рядом сенаторов, политическим директором «Фигаро» Ромье, руководителем внешнеполитического отдела газеты «Temps»⁸⁶.

Исключительный интерес представляет беседа Шахта с Блюмом, не получившая отражения в официальных документах, о которой Папен сообщает в своих мемуарах и которой он придавал особое значение⁸⁷.

Характерно, что именно в беседе с этим «социалистическим» лидером Папен позволил себе наиболее откровенно раскрыть замыслы фашистской Германии в отношении Австрии. Он прямо заявил о необходимости включения Австрии в состав «общей германской федерации»⁸⁸.

Общий вывод Папена сводился к тому, что он установил наличие «большого желания» у французов начать переговоры с Германией и предлагал воспользоваться этой ситуацией⁸⁹. «Я направил подробное донесение Гитлеру и Нейрату, настаивая на том, что именно теперь наиболее подходящий момент для того, чтобы предпринять сближение с французами...»⁹⁰.

Судя по состоявшейся затем переписке между Папеном и германским министерством иностранных дел, гитлеровцы придали большое значение результатам его визита в Париж.

В письме от 23 ноября, адресованном Папену, Вейцекер отмечал, что если Франция действительно готова пойти на уступки, то нельзя упустить такого случая, и просил сообщить, может ли Папен уточнить, что понимает французская сторона под «общим соглашением» и какие конкретно германские претензии она готова обсудить⁹¹.

В своем ответе Папен прежде всего подчеркнул готовность прави-

⁸² Дос. GFP, р. 43.

⁸³ Там же, стр. 43—44.

⁸⁴ Там же, стр. 44.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См. F. von Papen. Указ. соч., стр. 402.

⁸⁷ Там же, стр. 387—388.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Дос. GFP, р. 44—45.

⁹⁰ F. von Papen. Указ. соч., стр. 403.

⁹¹ Дос. GFP, р. 72—73.

тельства Шотана сделать максимум для достижения «общего соглашения» с Германией и выдвинул на первый план согласие французского правительства на распространение влияния Германии на Восточную Европу⁹².

Касаясь непосредственно Австрии, Папен высказал мнение, что было бы достаточным, после того как будет покончено с Версальским договором, потребовать ликвидации 88-й статьи Сен-Жерменского договора⁹³, пообещав в обмен на это, что Германия будет действовать «мирными» средствами⁹⁴.

«Мы, по-видимому, могли бы очень быстро добиться здесь (в Вене.— И. О.) замечательных успехов,— писал Папен,— если бы Кэ д'Орсе решило дать австрийцам несколько хороших советов в этом отношении»⁹⁵. Отмечая, что Англия слабо заинтересована в австрийском вопросе, Папен подчеркивал «решающее значение» позиции Франции для осуществления гитлеровских планов в отношении Австрии⁹⁶.

Чтобы в полной мере выявить значение секретных франко-германских переговоров, состоявшихся в ноябре 1937 г., следует отметить, что в беседе с Папеном впервые имело место заявление главы правительства одной из держав, призванное гарантировать соблюдение соответствующих условий Версальского и Сен-Жерменского договоров, что Германия не встретит препятствий в осуществлении своих замыслов в отношении Австрии и Чехословакии. Вскоре после переговоров с Папеном орган радикальной партии, к которой принадлежал Шотан, газета «Républicaine» открыто заявила, что Франция «заинтересована» в предоставлении Германии полной свободы рук в отношении Австрии и Чехословакии⁹⁷.

Легко понять, что, когда в Австрию поступили сообщения о парижских переговорах Папена, австрийское правительство было серьезно обеспокоено угрозой заключения франко-германского соглашения за счет независимости Австрии⁹⁸.

Нет сомнения, что предварительное выяснение позиции Франции в значительной степени предопределило ту резкую постановку вопроса о германских притязаниях в Центральной и Восточной Европе, которую позволили себе гитлеровцы во время визита Галифакса в Берлин.

Поездка Галифакса в Берлин не была предварительно согласована с Францией и вызвала немалое беспокойство во французских политических кругах⁹⁹. Как сообщал Вельчек из Парижа, хотя во Франции не было сомнения, что Галифакс в беседе с Гитлером «не скажет ничего, прямо направленного против французских интересов», но все же его визит в Берлин с самого начала был воспринят с «некоторой тревогой и даже недоверием», поводом к чему являлись хорошо известные в Париже «реалистические» методы английской дипломатии¹⁰⁰.

⁹² Там же, стр. 102—103.

⁹³ Статья запрещала присоединение Австрии к Германии. См. «Сен-Жерменский мирный договор». М. 1925, стр. 33.

⁹⁴ См. Дос. GFP, р. 103.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Цит. по U. Eichstädt. Von Dollfuss zu Hitler. Geschichte des Anschlusses. Österreichs. 1933—1938. Wiesbaden. 1955, S. 247.

⁹⁸ Там же, стр. 247. Как поясняет Папен, это и явилось причиной того, что осуществленный им дипломатический зондаж в Париже окончился безрезультатно. См. F. von Papen. Указ. соч., стр. 403.

⁹⁹ Германское посольство в Лондоне, ссылаясь на надежный источник, сообщило в конце ноября, что французское правительство в связи с предстоящим визитом Галифакса в Берлин высказало английскому правительству следующие пожелания: 1) французская колониальная империя не должна быть предметом обсуждения; 2) не должны обсуждаться изменения в существующем режиме Дунайского бассейна; 3) идея коллективной безопасности не должна быть принесена в жертву (см. Дос. GFP, р. 79). Подтверждения этого факта в опубликованных документах не содержится.

¹⁰⁰ См. Дос. GFP, рр. 81—82.

Однако вскоре английское правительство пригласило в Лондон для переговоров Шотана и Дельбоса, что было расценено как знак лояльности по отношению к Франции. Визит Шотана и Дельбоса в Лондон состоялся 28—30 ноября 1937 года¹⁰¹.

Большой интерес представляет официальное английское заявление, сделанное германскому послу в Лондоне Риббентропу в связи с англо-французскими переговорами. Это заявление имело серьезное значение, поскольку в нем была изложена согласованная позиция Англии и Франции по наиболее острым международным проблемам того времени.

В заявлении отмечалось, что западные державы стремятся к соглашению с Германией и готовы пойти ради этого на значительные уступки. «Англия, как и Франция,— указывалось в заявлении,— имеет большое желание сделать уступки Германии в вопросе о колониях»¹⁰².

Выдвижение на первый план вопроса о колониях было не случайным. Заявляя о готовности пойти на уступки и предлагая Германии отметить «прогресс» в данной области, Англия и Франция не выдвигали никаких конкретных предложений по этому вопросу и непосредственное его рассмотрение откладывали на неопределенный срок¹⁰³.

Тактику англо-французской дипломатии в указанном вопросе позволяет понять заявление Галифакса, сделанное им во время лондонских переговоров. Находясь под впечатлением настоятельных домогательств гитлеровцев в отношении колоний, Галифакс высказал убеждение, что невозможно будет заключить соглашение с Германией, к которому стремится англо-французская сторона, если германские колониальные претензии не будут «в какой-либо форме приняты». Однако одновременно Галифакс поставил вопрос о том, нельзя ли эту проблему «использовать в качестве рычага для достижения некоторых целей, к которым стремятся как французское, так и английское правительства»¹⁰⁴. Использовать переговоры с Гитлером и обещание ему уступок в вопросе о колониях в качестве рычага, чтобы повернуть гитлеровскую агрессию в желательном для правящих кругов Англии и Франции направлении (то есть на восток, против Советского Союза),— таков был замысел англо-французской дипломатии.

Следующим в английском заявлении был выдвинут вопрос о компенсации, предоставляемой Германией за уступки, которые ей будут сделаны.

Как писал в своем донесении Риббентроп, в заявлении было подчеркнуто, что колониальная проблема «не может рассматриваться изолированно, но что Англия и Франция желают получить в качестве *quid pro quo* соглашение, которое обеспечило бы обеим сторонам большее чувство безопасности»¹⁰⁵.

Далее говорилось, какого именно соглашения добивались от Германии. Речь шла, во-первых, об ограничении вооружений, причем было конкретно указано на желательность достижения договоренности об ограничении воздушных вооруженных сил по типам самолетов, «подобно тому, как это было достигнуто в отношении морского флота». При этом Риббентропу дали понять, что Англия и Франция не будут настаивать на договоренности по вопросу о количественном составе воздушных сил¹⁰⁶.

Излагая английское заявление, Риббентроп отметил весьма характерное обстоятельство: в нем не было даже упомянуто о каком-либо ограничении сухопутных вооружений¹⁰⁷.

Другое условие, выдвинутое в заявлении, выдавало главные устремле-

¹⁰¹ См. там же, стр. 78. Примечание 55.

¹⁰² Там же, стр. 88.

¹⁰³ Там же, стр. 89.

¹⁰⁴ Ch. Tansill. Указ. соч., стр. 365—366.

¹⁰⁵ Doc. GFP, p. 89.

¹⁰⁶ Там же, стр. 89—90.

¹⁰⁷ Там же.

ния западных держав в их политике сговора с Гитлером. «Англия и Франция,— было сказано Риббентропу,— продолжают стремиться к получению гарантий мира на западе»¹⁰⁸. Вслед за этим были официально подтверждены заявления Галифакса в отношении Австрии и Чехословакии.

Английские представители заявили, что Англия устраняется от участия в разрешении австрийского вопроса, так как он якобы представляет «большой интерес для Италии, чем для Англии», и английское правительство заинтересовано лишь в том, чтобы этот вопрос был решен без применения силы¹⁰⁹. Таким образом, Гитлеру предлагалось только договориться с его партнером по «оси» — Муссолини. Заявление не содержало специальных указаний о позиции Франции в австрийском вопросе, однако германским дипломатам дали понять, что французское правительство согласно с позицией Англии.

Что касается Чехословакии, то Риббентроп был поставлен в известность о том, что Дельбос взял на себя обязательство «повлиять на Прагу для предоставления судетским немцам лучших условий и достижения непосредственной договоренности между Прагой и Берлином»¹¹⁰. Таким образом, в судетском вопросе давалось обещание оставить Чехословакию один на один с Германией,— ни о каких обязательствах западных держав в отношении гарантий национальной независимости и территориальной целостности Чехословакии даже не было упомянуто.

Прежде чем перейти к оценке позиции Франции в переговорах с Германией в ноябре—декабре 1937 г., следует отметить еще некоторые факты, имеющие существенное значение. В указанный период французское правительство предприняло ряд новых шагов к сближению с Германией, подчеркивая свою заинтересованность в соглашениях. Постоянный заместитель французского министра иностранных дел Леже, а также Франсуа-Понсе в своих беседах с гитлеровскими представителями неоднократно высказывали горькое сожаление в связи с тем, что французские предложения, сделанные Германии, остаются без ответа с ее стороны¹¹¹. С целью напомнить о предложениях, сделанных Германии в мае 1937 г., Франсуа-Понсе 17 декабря вручил Маккензену (статс-секретарю германского министерства иностранных дел) меморандум, содержащий подробную запись беседы Блюма с Шахтом, выдержанную в самом дружеском тоне¹¹².

Обращая внимание на активность французской дипломатии в поисках соглашения с Германией, Маккензен в записке, адресованной Вельчеку, отмечал, что французы «не только ссылаются на отсутствие у нас готовности вступить в переговоры в прошлом году, но заявляют, что и в настоящее время у нас нет никакого желания договориться»¹¹³.

Очередной попыткой вступить в непосредственный неофициальный контакт с правителями фашистской Германии явилась поездка в Берлин бывшего французского премьера, а затем министра иностранных дел Фландена, предпринятая в середине декабря 1937 года¹¹⁴.

Фланден явился одной из наиболее подходящих фигур для подобной миссии. В прошлом один из участников Стрезской конференции (вместе с Лавалем и Леже), Фланден был известен как сторонник политики «умиротворения» фашистских агрессоров. В своей речи в парламенте в декабре 1936 г. он выступил против Советского Союза и создания системы коллективной безопасности¹¹⁵. В дальнейшем венцом

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ См. там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ См. там же, стр. 95, 117—118, 159, 171.

¹¹² См. там же, стр. 135—141.

¹¹³ Там же, стр. 155.

¹¹⁴ Фланден прибыл в Берлин 14 декабря. См. «L'Humanité», 14 декабря 1937 г., стр. 3.

¹¹⁵ См. «Journal officiel». Débats, decembre 1936, p, 3359.

его политической карьеры было, как известно, участие в правительстве Петэна в качестве министра иностранных дел. Визит Фландена в Берлин был расценен французской печатью как поездка полуофициального уполномоченного правительства Шотана — Блюма¹¹⁶.

На заседании парламентской комиссии в 1951 г. Фланден умолчал о содержании переговоров, которые он вел в Берлине, и комиссия отказалась от расследования вопроса под тем предлогом, что поездка Фландена имела частный характер¹¹⁷. Очень мало сообщает об этой поездке и сам Фланден в опубликованной им книге¹¹⁸. Несколько больший свет на характер миссии Фландена проливают опубликованные документы германского МИД. В обзорной записке Вейцекера по данному вопросу, подготовленной для информации Вельчека, указывалось, что, находясь в Берлине, Фланден имел встречи с Нейратом, Геббельсом, Герингом, Шахтом и обсуждал с ними проблемы франко-германских отношений¹¹⁹. Одним из первых вопросов, поставленных Фланденом в беседе с Нейратом, был вопрос о намерениях Германии в отношении Австрии и Чехословакии¹²⁰. Однако, имея уже формальное согласие Англии и Франции на свободу действий Германии в отношении названных стран и установив, что Фланден не имеет официального поручения, гитлеровцы решили не конкретизировать свои намерения и использовали приезд Фландена для шантажа и давления на французские правящие круги в целях получения дальнейших уступок. В частности, касаясь Австрии и Чехословакии, Нейрат заявил Фландену, что вопросы о взаимоотношениях Германии с указанными странами будут разрешены непосредственно заинтересованными государствами и Германия не может предоставить Франции права превращать эти вопросы в предмет франко-германских переговоров¹²¹. «Мне дали понять, — пишет Фланден, — что Германия уже не боится протестов со стороны Франции и Великобритании и что эти державы должны были сделать выбор между мирным пересмотром территориальных статей Версальского договора, который единственно мог сохранить мир в Европе, и риском новой войны, которой Германия со своей стороны не желает, но к которой она готова»¹²².

Гитлеровский министр пропаганды Геббельс, используя антисоветские настроения французских правящих кругов, заявил Фландену, что Германия готова сотрудничать с «европейскими державами, в частности с Англией, Францией, Италией, а также Польшей», но Россия «не может быть названа Европой» и, пока существует Коминтерн, «для Германии не может быть вопроса о переговорах с Россией»¹²³.

На вопрос Фландена о возвращении Германии в «реконструированную» Лигу наций и его замечание о «невозможности сразу объяснить французским избирателям, что они должны перестать верить в Лигу наций и коллективную безопасность, когда они призывались к обратному на протяжении 16 лет», Геринг ответил, что Франция должна договориться с Германией непосредственно и это якобы обеспечило бы Франции «большую безопасность», чем Лига наций и коллективные договоры. Предложение Фландена в связи с колониальной проблемой об обеспечении Германии сырьем было решительно отвергнуто Герингом как якобы не соответствовавшее «престижу Германии, который требовал предоставления ей колоний»¹²⁴.

¹¹⁶ См. «L'Humanité», 15 декабря 1937 г., стр. 3.

¹¹⁷ См. «Les Evénements...». Т. IX, р. 2592—2593.

¹¹⁸ См. P. Flandin. Указ. соч., стр. 231—232.

¹¹⁹ См. Doc. GFP, р. 152—154.

¹²⁰ Там же, стр. 152.

¹²¹ Там же.

¹²² P. Flandin. Указ. соч., стр. 232.

¹²³ Doc. GFP, р. 152.

¹²⁴ Там же, стр. 153—154.

Таким образом, поездка Фландена не приблизила французские правящие круги к осуществлению их цели — соглашению с Германией, однако она весьма показательна как иллюстрация того, что политика «умиротворения» фактически являлась поощрением гитлеровской агрессии.

Среди мероприятий, предпринятых французским правительством в рассматриваемый период в связи с планами «общего урегулирования» отношений с Германией и направления ее агрессии на восток, должна еще быть отмечена поездка Дельбоса в страны Восточной и Юго-Восточной Европы.

В первых числах декабря 1937 г. французский министр иностранных дел срочно выехал по маршруту Барту и посетил Прагу, Варшаву, Бухарест и Белград¹²⁵. Поездка была связана со стремлением французского правительства попытаться укрепить влияние Франции в странах Малой Антанты и в Польше, пошатнувшееся в результате соглашательской политики французских правящих кругов в отношении Германии. Вместе с тем посещение Чехословакии было связано с обязательством Дельбоса оказывать давление на Прагу в желательном для гитлеровцев направлении¹²⁶. В связи с этой поездкой заслуживает быть отмеченным следующий факт.

По пути в Варшаву Дельбос, находясь проездом в Берлине, имел встречу с Нейратом, который явился на вокзал. Беседа состоялась в купе вагона в присутствии французского посла¹²⁷. Дельбос сразу обратился к итогам недавних переговоров, отметив «прогресс, который был достигнут в Лондоне в направлении нормализации отношений между Англией, Францией и Германией», и заверил, что у Англии и Франции отсутствуют какие-либо намерения «снова препятствовать развитию Германии»¹²⁸. Принципиально новым и важным моментом в заявлении Дельбоса было указание, что Франция не намерена пытаться разрешить все вопросы одновременно. Для беседы были характерны многократные заверения Дельбоса о желании Франции прийти к взаимопониманию с Германией. На этом фоне особенно резко проявилась шантажистская линия гитлеровской дипломатии: Нейрат заявил, что лондонские переговоры создали впечатление, будто Англия и Франция «по-прежнему намерены диктовать Германии, каким путем она должна защищать свои интересы». Он обвинил английское и французское правительства в нежелании принять гитлеровские предложения в области вооружений, якобы направленные к укреплению мира¹²⁹.

Для оценки политического курса французского правительства в отношении Германии важно выявить, как эта политика воспринималась в лагере гитлеровцев. В этой связи исключительный интерес представляет секретная докладная записка, представленная Вейцзекером Нейрату и имеющая пометки последнего, свидетельствующие об одобрении им точки зрения, изложенной в этом документе¹³⁰.

Записка содержит оценку изменений в позиции западных держав, которые произошли в связи с визитом Галифакса в Берлин и лондонскими переговорами. Она дает возможность составить достаточно ясное

¹²⁵ См. L. Noël. L'agression allemande contre la Pologne. Une ambassade a Warsovie 1935—1939. Paris. 1946, p. 174.

¹²⁶ Характерно, что эта цель поездки Дельбоса была известна и германскому министерству иностранных дел: в циркулярной записке Нейрата от 4 декабря 1937 г. указывалось, что, по полученным в Берлине сведениям, французский министр во время своего турне будет прежде всего «стремиться найти гарантии против ухудшения германо-чешских отношений, настаивая на том, чтобы Прага непосредственно договаривалась с Германией в случае возникновения трений...» (см. Doc. GFP, p. 98). В опубликованных документах секретного архива германского МИД материалы, относящиеся к пребыванию Дельбоса в Праге, отсутствуют.

¹²⁷ См. Doc. GFP, p. 94.

¹²⁸ См. там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См. там же, стр. 147—151.

представление о тактике германо-фашистской дипломатии в отношении Франции.

Первый момент, отмеченный в заявлении Дельбоса в качестве принципиально нового по сравнению с предыдущим периодом, заключался в том, что вопрос о территориальном *status quo* в Европе не исключался более из числа проблем, которые становились предметом обсуждения. «Конечно, ставится условие, что изменения должны быть осуществлены мирным путем, но ничего уже больше не говорится о статье 19-й Устава Лиги наций»¹³¹, — указывалось в записке.

Сопоставляя заявление правительства Англии, сделанное Риббентропу, об итогах лондонских англо-французских переговоров и соображения, высказанные Дельбосом во время его встречи с Нейратом, Вейцекер писал, что все эти факты могут «лишь означать, что Германии предоставляется свобода действий в определенных пределах» и что статья 19-я Устава Лиги наций, «которая таким образом практически приносится в жертву», как раз имела целью воспрепятствовать этому¹³².

Трудно дать более красноречивую оценку маневров английских и французских дипломатов, стремившихся избавиться от тех статей Устава Лиги наций, которые превратились в помеху на пути их попыток сговора с фашистской Германией за счет других стран.

Затем в записке отмечалось, что, хотя по-прежнему вопрос об уступках Германии связывался с общим урегулированием, количество требований, выдвигаемых Англией и Францией, сильно сократилось. Вейцекер отметил отказ английского и французского правительств от требования создания сложной системы пактов, о которых речь шла еще в 1935 г.; не упоминался уже даже вопрос о Западном пакте; возвращение Германии в Лигу наций уже не являлось непременным условием для достижения соглашения; отсутствовали требования о необходимости для Германии прекратить ее внешнюю экономическую политику, которые выдвигались еще в начале 1937 года.

«Осталось, — пишет Вейцекер, — во-первых, желание заключить между Германией, Англией и Францией соглашение о вооружениях и затем — требование, чтобы все изменения существующего положения осуществлялись только мирными средствами»¹³³.

Относительно предложения заключить соглашение между четырьмя державами — Германией, Англией, Францией и Италией — в записке указывалось, что практически это означало бы возвращение к принципам Пакта четырех держав, предложенного Муссолини в 1933 году¹³⁴. «Угроза изоляции, которую этот принцип заключает в себе для России, — говорилось в записке, — может нами только приветствоваться»¹³⁵.

Обобщая приведенные соображения, Вейцекер писал, что «в настоящее время позиция Англии и Франции является гораздо более уступчивой», чем в начале года¹³⁶.

Гитлеровцы, поощряемые англо-французскими «умиротворителями», планировали новые акты агрессии. Весьма характерным в этом смысле является содержащееся в записке соображение о тактике, которой Германия должна следовать в осуществлении своих планов в Европе. Анализируя причины, которые позволили Германии безнаказанно осуществить ремилитаризацию Рейнской зоны, встретив только «бумажный протест»

¹³¹ См. там же, стр. 149. Статья 19-я Устава Лиги наций гласила следующее: «Собрание (то есть Ассамблея.— И. О.) может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир». См. «Версальский мирный договор». 1925, стр. 12.

¹³² Дос. GFP, р. 149.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, стр. 150.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

со стороны западных держав, Вейцекер указывает, что это был в значительной мере результат дипломатической подготовки, проведенной Германией на конференции по разоружению. В вопросе о мирном пересмотре status quo, писал Вейцекер, обстоятельства могут оказаться такими же, что делает возможным рекомендовать ту же тактику. «Неудача переговоров по этому вопросу не принесет ущерба германской политике, но, наоборот, подобно провалу конференции по разоружению, будет означать большую свободу действий для Германии и меньший риск, связанный с использованием этой свободы действий»¹³⁷.

Таким образом, используя политику «умиротворения», проводимую правящими кругами Англии и Франции, гитлеровцы затевали переговоры о «мирном» пересмотре status quo в Европе, однако они заранее намечали срыв переговоров и насильственное осуществление своих целей, рассчитывая и в этом случае остаться безнаказанными.

Стремясь к достижению соглашения с фашистской Германией, французское правительство в ходе секретных переговоров с гитлеровцами в 1936—1937 гг. шло на важные уступки германским правящим кругам за счет свободы и независимости ряда стран Европы и безопасности самой Франции.

Документы свидетельствуют о том, что еще в конце 1937 г. французское правительство, неоднократно заявляя о своей приверженности принципам коллективной безопасности и верности Франции взятым на себя обязательствам, в действительности в ходе тайных переговоров с гитлеровцами фактически дало уже согласие на захват Австрии фашистской Германией и провокационное вмешательство последней во внутренние дела Чехословакии. Оценивая деятельность французских мюнхенцев, даже буржуазный автор Ш. Серр, являвшийся генеральным докладчиком парламентской комиссии по расследованию событий 1933—1945 гг., признавал, что «Гитлер был поставлен в известность относительно намерений французского правительства. Он мог без всякого риска осуществить аншлюс, требовать расчленения Чехословакии, затем занять Прагу»¹³⁸.

Предательство в отношении Австрии означало отказ Франции от обязательства обеспечить независимость австрийского народа, принятого ею совместно с Англией и зафиксированного в Версальском и Сен-Жерменском договорах.

Еще большее значение по своим последствиям для Франции и для дела мира в Европе в целом имело согласие французского правительства на требование гитлеровцев о предоставлении автономии Судетской области. Осуществление этого требования позволило бы гитлеровцам, используя фашистскую агентуру в Судетах, получить ключи от чехословацких укреплений, расположенных в этом пограничном с Германией районе, и открыло бы ворота для дальнейшего распространения гитлеровской агрессии на восток, что отвечало подлинным целям французских правящих кругов. Выдавая таким образом Чехословакию гитлеровцам, французское правительство не только вероломно предавало своего союзника, с которым Франция имела договор о взаимной помощи, но и подрывало всю систему пактов о взаимопомощи, связывавших Францию и Чехословакию с Советским Союзом и являвшихся подлинной гарантией безопасности самой Франции. Так франко-советский договор 1935 г. был фактически превращен в пустую бумажку французскими правящими кругами, неизменно отклонявшими настоячивые попытки Советского правительства превратить его в эффективное средство обузда-

¹³⁷ Там же, стр. 151.

¹³⁸ Ch. Serre. Les leçons du désastre de juin 1940. «Europe», mai, 1952, № 77, p. 46.

ния фашистской агрессии и обеспечения мира в Европе. Документы свидетельствуют о том, что, по существу, сразу же вслед за ратификацией Францией договора с Советским Союзом в 1936 г. французское правительство вступило в закулисные антисоветские переговоры с фашистской Германией. Эта близорукая, антинародная политика французского правительства играла на руку гитлеровцам, которые, как показал Нюрнбергский процесс, готовя новую войну и в том числе агрессию против Франции, в рассматриваемый период ставили своей важнейшей целью именно «отрыв Европы от России».

Несмотря на энергичные попытки французских мюнхенцев, соглашение с гитлеровцами не было достигнуто. Острейшие экономические и политические противоречия между западными державами и Германией делали такой сговор неосуществимым.

Вынашивая бредовые планы установления мирового господства и готовясь к войне прежде всего против Англии и Франции, гитлеровцы расценивали делавшиеся им уступки как признак слабости западных держав. Поощряемые политикой «умиротворения», проводившейся правящими кругами Англии и Франции и поддерживавшейся правящими кругами США, гитлеровцы безнаказанно осуществляли свои агрессивные замыслы в Центральной Европе и в 1936—1937 гг. не считали необходимым связывать себе руки какими-либо соглашениями даже ради тактических целей.

Изучение секретных франко-германских переговоров этого периода проливает, тем не менее, дополнительный свет на подлинные цели и методы французской дипломатии в период кануна второй мировой войны и показывает несостоятельность утверждений буржуазных политиков и ученых, что Франция якобы была вынуждена идти на уступки Германии под давлением Англии. Факты свидетельствуют о том, что в проведении антисоветского мюнхенского курса устремления правящих кругов Англии и Франции совпадали. В попытках сговора с гитлеровцами французское правительство проявляло в рассматриваемый период по крайней мере не меньшую активность и настойчивость, чем английское правительство.

Тяжелая катастрофа, постигшая Францию в результате этой антинародной политики сговора с германским фашизмом, является историческим уроком. Особо важное значение он приобретает в настоящее время, когда французский народ вместе с другими народами Европы и всего мира ведет борьбу против политики возрождения милитаризма в Западной Германии, осуществляемой в настоящее время при содействии английских, французских и американских правящих кругов.